

В.Ф. Петренко

Психосемантика сознания

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 159.9
ББК 88
В11

В11   **В.Ф. Петренко**
Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко – М.: Книга по Требованию, 2021. –
208 с.

ISBN 978-5-458-27014-4

В монографии излагаются результаты теоретического и экспериментального исследования категориальных структур индивидуального сознания методом построения субъективных семантических пространств. Анализируются специфика индивидуального сознания в процессе восприятия человека человеком, профессиональная и национальная обусловленность стереотипов обыденного сознания. Исследуются формы рефлексии обыденного сознания на материале фольклора (в частности фразеологизмов); обсуждаются прикладные проблемы воспитания и идеологического воздействия массовых коммуникаций. Для психологов, психолингвистов, специалистов в области массовых коммуникаций, а также читателей, интересующихся проблемами современной психологии.

ISBN 978-5-458-27014-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ного будущего» [см.: 6; 25; 26]; об опосредованности психического отражения формами социально-исторического опыта людей [см.: 55; 140; 218]; в понятии «надситуативной активности» [см.: 204; 205], объясняющем порождение новых мотивов деятельности в ходе ее самодвижения; в представлении о пристрастности человеческого отражения [см.: 136; 220], раскрывающем его связь с мотивационной и потребностной сферами; в выделении целенаправленного, телекономического характера психического отражения [см.: 169; 251]; в теоретически переосмысленных в марксистской психологии представлениях о психологических защитных механизмах, обеспечивающих единство и целостность самоотражения личности [см.: 243].

Содержание категории отражения в марксистской психологии, таким образом, оказывается несравненно богаче породившей ее метафоры, сохраняя тем не менее в своем содержании ее главный смысловой стержень: первичность бытия по отношению к формам его отражения.

Сознание — высшая форма психического отражения, присущая человеку как общественно-историческому существу, выступает как сложная система, способная к развитию и саморазвитию, несущая в своих структурах присвоенный субъектом общественный опыт, моделирующая мир и преобразующая его в деятельности.

Анализ структуры этой моделирующей системы, ее генезиса и функционирования выступает задачей психологического исследования индивидуального сознания. Представление о сложной структуре, многомерности сознания, его культурно-исторической детерминации отнюдь не лежит на поверхности и является достижением марксистской психологии.

А. Н. Леонтьев писал, что, «хотя прежняя субъективно-эмпирическая психология охотно называла себя наукой о сознании, в действительности она никогда не была ею. Сознание неизменно выступало в психологии как нечто внеположное, лишь как условие протекания психологических процессов... Идея внеположности сознания заключается в известном сравнении сознания со сценой, на которой разыгрываются события душевой жизни. Чтобы события эти могли происходить, нужна сцена, но сама сцена не участвует в них» [136, с. 25]. Сознание либо рассматривалось как атрибут, ясность субъективной представленности психических образов, переживаний (интроспективная психология), либо его структуры постулировались как непосредственная, неэволюционирующая данность (законы феноменального поля в гештальтпсихологии), либо вообще проблематика сознания выносилась за рамки психологической науки и полагалась как эпифеномен, иллюзия наивного житейского опыта (бихевиоризм).

Марксистская психология исходит из того, что человек вообще и человеческое сознание в частности являются продуктом исторического развития человеческого общества. «Основной за-

кон исторического развития психики, сознания человека заключается в том, что человек развивается, трудясь: изменяя природу, он изменяется сам, порождая в своей деятельности — практической и теоретической — предметное бытие очеловеченной природы, культуру, человек вместе с тем изменяет, формирует, развивает свою собственную психическую природу» [220, с. 148]. «Исходное положение марксизма о сознании состоит в том, что оно представляет собой качественно особую форму психики. Хотя сознание и имеет длительную предысторию в эволюции животного мира, впервые оно возникает у человека в процессе становления труда и общественных отношений. Сознание с самого начала есть общественный продукт» [136, с. 28].

• Положение о социальной, культурно-исторической природе человеческой психики, представление о формировании высших психических функций путем интериоризации, «вращивании» интерсубъектных отношений в интрасубъектные формы психического, трактовка сознания как со-знания, выступающего в своей внешней, экстериоризированной форме как социальный опыт, как человеческая культура, побудили Л. С. Выготского к поиску молярной единицы, позволяющей передавать социальный опыт от субъекта к субъекту и присваивать его. Такой единицей, связующим звеном процессов общения и обобщения, по мнению Л. С. Выготского, является значение. Пролеживая генезис значения от его простейших форм (синкремтов и комплексов) до наиболее развитой формы значения — научного понятия, Л. С. Выготский тем самым исследует становление, онтогенез сознания. Синонимом осознанности для него выступает системность организации значений, возможность переформулировок содержания высказывания, выражения одних значений через другие [см.: 52]. •

Продолжая линию Л. С. Выготского в рассмотрении значения как образующей сознания, А. Н. Леонтьев определяет значение как «ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многогранности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как «обобщенного образа действия», нормы поведения и т. п.» [137, с. 242]. Предложенная А. Н. Леонтьевым трактовка сознания как индивидуальной системы значений, данных в единстве с чувственной тканью, связывающей через перцепцию сознание с предметным миром, и личностными смыслами, определяющими пристрастность сознания, его связь с мотивационно-потребностной сферой человека, является, по сути, семиотической, где генезис и трансформация значения как образующей сознания выступают механизмом изменения и трансформации сознания. В концепции А. Н. Леонтьева, таким образом, преодолевается, по сути, позитivistский подход, заключающийся в раздельном изучении механизмов и содержания психических процессов, и применительно к индивидуальному сознанию выделяется еди-

ный способ описания содержания сознания и механизмов его изменения, лежащий в плоскости семантического анализа.

1.1. Взаимосвязь языка и сознания

Становление человеческого сознания связано с развитием языка. «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...» [1, т. 3, с. 29].

Возможность речевого общения с другими людьми в ходе совместной трудовой деятельности ведет к формированию автокоммуникации, внутреннего диалога с самим собой, что, по М. М. Бахтину, является основой, механизмом сознания: «Где начинается сознание, там начинается и диалог» [20, с. 49].

Идея связи сознания со структурами языка глубоко осмысlena Гегелем, для которого сознание выступает формой выделения субъекта из природной среды и установления отношения к ней, реализуемого посредством слова. «...При настроении, вызванном внешним ощущением, мы еще не находимся в каком-либо отношении к отличному от нас внешнему предмету, еще не являемся сознанием» [61, с. 248]. Эта заданность мира через переживание особенно рельефно просматривается в простейшей и, очевидно, филогенетически первичной форме восприятия и эмоций — в переживании боли, где раздражитель для переживающего организма лишен каких-либо предметных качеств, за исключением разве что широты локализации воздействия и интенсивности (тупая или острые боль). Для следующей филогенетической ступени отражения — для ощущений — объективные характеристики также заданы через переживания субъекта. Например, ощущение некоторой поверхности как гладкой характеризует текстуру этой поверхности через субъективное переживание «гладкости». Объектreprезентирован субъекту в форме его переживания субъектом.

Развитие восприятия, появление предметного образа (перцептивная стадия психики, по А. Н. Леонтьеву), выступающего как совокупность чувственных признаков, эмансируют объект от субъекта, делают возможным за счет развития механизмов константности сохранение таких инвариантов объекта, как форма, удаленность от субъекта, параметры его движения в экстраполяционном рефлексе и т. п. Однако презентация мира в форме образа оказывается еще чрезвычайно зависимой от мотивационно-потребностной сферы и эмоционального состояния субъекта. Эксперименты Брунера и школы «New Look» в целом показали нарушения константности восприятия, проявляющиеся даже у человека в зависимости от мотивационного фактора. Это экспериментальные факты типа переоценки размера доллара маленькими детьми (особенно из бедных семей), роста

человека, имеющего высокий социальный статус (взрослыми) или различия в опознании одного и того же рисунка, предъявленного тахистоскопически на короткий временной отрезок, обусловленные культурологическими различиями (североамериканцы «видели» бейсбол, тогда как латиноамериканцы — корриду).

Эта зависимость восприятия мира от потребности субъекта в еще большей степени проявляется у животных. Для животных, как полагал А. Н. Леонтьев, объекты выступают не в их константных свойствах и способах употребления, а в зависимости от их наличного биологического смысла для животного [см.: 140]. Напомним красивые эксперименты, проведенные Э. Г. Вацуро в Колтушах на приматах [см.: 43]. Обезьян обучали заливать водой пламя горелки и доставать находящееся под ней лакомство. Бачок с водой находился на одном плоту, свободно плавающем в пруду, а ящичек с лакомством — на другом. Плоты были соединены мостиком, и обезьяна, набрав воды из бачка в кружку, могла свободно перебежать с одного плота на другой, залить пламя водой и достать вознаграждение. Но вот мостик, соединяющий плоты, убрали, и обезьяна начинает метаться по одному плоту, стремясь перебраться за водой на другой, хотя воды полно вокруг нее в пруду. При этом обезьяна «знает», что кругом вода, более того, она пила воду из пруда так же, как и воду из бачка. Но дело в том, что у обезьян нет значения «воды» как набора ее объективных качеств. Одну «воду» пьют, другой «водой» заливают пламя, т. е. свойства объекта выступают только в контексте наличной биологической потребности и вне ее не актуализируются. Значение как исторически фиксированная функция орудия [см.: 140] у животных, естественно, отсутствует. Однако современные исследования психической деятельности антропоидов вносят определенные корректизы в представления об их психических возможностях, в частности об их способности к установлению причинно-следственных связей. Как полагает К. Э. Фабри, можно говорить о простейших формах значений, присущих приматам и представляющих собой структуры предметных признаков жизненно важных ситуаций, но эти простейшие формы значений заданы и ограничены жесткими биологическими рамками жизнедеятельности приматов, и выход за эти рамки невозможен [см.: 258].

Как полагал Гегель, для того чтобы эмансилировать объект от наличных потребностей субъекта, надо выразить его в чем-то отличном от эмоционально-чувственной «субстанции» субъекта, в чем-то противостоящем субъекту. Такой формой отчуждения, выражения отраженного содержания (отражение отражения) в устойчивой константной форме является фиксация его в знаковой форме, в словесном значении.

За счет социальной нормированности, общественной конвенции слово обладает фиксированным содержанием. Эта фикси-

рованность содержания обусловлена конвенцией предметной отнесенности слова, с одной стороны, и системной организацией языка, наличием парадигматических связей, задающих устойчивость каркаса языка и постоянство словоупотребления, — с другой. В сознании, таким образом, за счет устойчивости содержания значения изживается сиюминутная субъективность отражения, пристрастность, обусловленная наличной потребностью. И для голодного и для сытого человека кухонная утварь, например, имеет постоянное предметное значение и представляет собой некоторую ценность. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, — пишет А. Р. Лурия, — заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово — это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» [154, с. 37].

Но структуры сознания как отражение отражения в некоей знаковой форме не просто изоморфно дублируют исходное содержание, а дополняют, обобщают его, вводя в новые связи и отношения. За словом стоит совокупный общественный опыт, фиксированный и кристаллизованный в значениях [см.: 140]. Благодаря языку человек может обращаться к знаниям других людей, к опыту предыдущих поколений. Наличие грамматических языковых структур, изоморфных деятельностным структурам, позволяет человеку совершать мысленный эксперимент, получая новые знания.

Подчеркивая ведущую роль языка как носителя общественного опыта, А. Н. Леонтьев тем не менее отмечает возможность фиксации значений не только в форме понятий, но и в форме «умения как обобщенного образа действия», «нормы поведения» и т. д. Продолжая мысль А. Н. Леонтьева, можно предположить, что носителями значения могут выступать такие социально нормированные формы поведения, как ритуалы, выражительные движения, искусственные языки, танцы, устойчивые визуальные символы, жесты и т. д. Такая более широкая трактовка языка, чем принято в лингвистике, имеющая скорее семиотический характер, содержится в работах Н. И. Жинкина [85], М. В. Гомезо, Б. Ф. Ломова, В. Ф. Рубахина [60] и др. При доминирующей роли устной и письменной речи как носителя значения факторами, обуславливающими способность некоторых материальных образований выражать значение, являются не формы презентации субъекту, а их системный характер и социальная нормированность правил их интерпретации. Так,

сложный технический чертеж, например, является знаковым образованием и несет значения, сопоставимые по уровню развития с понятийными.

Исходя из расширенной трактовки языка, мы даем следующее определение значения. Значение — это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности. Кодирование, категоризация исходного содержания в знаковой, символической форме ведут к обогащению его совокупным социальным опытом, к упорядочиванию исходного содержания, его организации в формах, выработанных общественной практикой.

В той степени, в какой восприятие, память, мышление или иной психологический процесс опосредствованы значением (в форме слова, визуального символа, чертежа, схемы, ритуального действия, танцевального па, общепринятого жеста или мимического выражения), они являются потенциально осознаваемыми. И наоборот, сбои в нормальном функционировании значения ведут к нарушению осознания.

Приведем в качестве иллюстрации экспериментальное наблюдение, показывающее роль вербальных значений в механизме функционирования сознания. В наших совместных с В. В. Кучеренко экспериментах исследовалось влияние постгипнотической инструкции на восприятие испытуемых. Испытуемым, которые находились в третьей стадии гипноза, характеризуемой, в частности, последующей амнезией, внушалось, что по выходе из гипноза они не будут видеть некоторые предметы. По выходе из гипнотического состояния испытуемых просили перечислить предметы, лежащие перед ними на столе, среди которых находились и «запрещенные». Испытуемые действительно не указывали на запрещенные предметы, но «не видели» также и другие предметы, семантически с ними связанные¹. Например, если испытуемым внушалось, что они не будут видеть сигареты, то они не замечали при перечислении не только лежащую на столе пачку сигарет, но и пепельницу с окурками, спички и т. п. Некоторые предметы, семантически связанные с запрещенными, могли быть указаны испытуемым, но в

¹ Данная феноменология близка результатам, получаемым с помощью объективных методик семантической генерализации условно-рефлекторной реакции (например, метода семантического радикала А. Р. Лурии и О. С. Биннаградовой [см.: 155]), где условно-рефлекторная реакция, выработанная на негативно подкрепляемые стимулы (например, с помощью удара электрическим током), переносится на семантически с ними связанные. Причем процесс генерализации происходит на неосознаваемом уровне и испытуемые, давая оборонительные и ориентировочные реакции на объекты, семантически связанные с подкрепляемыми, не осознают принципа, по которому осуществляется это негативное подкрепление, т. е., используя некое основание классификации, не рефлексируют его. На основе этого феномена строятся исследования объективными методами процессов категоризации и обобщения на неосознаваемых уровнях психики [см.: 256; 257; 277; 278].

в этом случае он забывал их функцию. Например, один из участников эксперимента, указав на лежащую на столе зажигалку, назвал ее «цилиндриком», другой именовал ее «тюбиком для валидола», третий с недоумением разглядывал зажигалку, пытаясь понять, что это за предмет. Нарушение связи «объект — наименование» проявляется не только в невозможности назвать предмет, но и в обратном отношении — в невозможности по «запрещенному» названию представить образ. Так, если мы давали в гипнозе испытуемому инструкцию о том, что он не знает, что такое курение, то на просьбу экспериментатора в постгипнозе представить табачный ларек он не в состоянии был справиться с этой задачей, представляя овощной ларек, «Союзпечать» и т. д. Спустя некоторое время испытуемый утверждал, что ему удалось справиться с этой задачей, но, отвечая на вопрос, что продают в табачном ларьке, перечислял побочные товары: расчески, талончики на бензин и т. п. На прямой вопрос экспериментатора, знает ли он, что такое курить, испытуемый (сам курящий) рассказал, что во время студенческих сельскохозяйственных работ видел мужчин, что-то жующих; по его мнению, это они курили. При предъявлении испытуемым запрещенного предмета (сигареты) они как бы спонтанно погружаются в гипнотическое состояние.

Гипнотическое запрещение «видения объекта» ведет, очевидно, к блокированию связи «слово — образ», и воспринимаемый объект не осознается испытуемым, «не видится» им. Действительно, при перечислении объектов, лежащих перед ним на столе, испытуемый не пытается проткнуть пальцем якобы невидимые предметы или пройти сквозь них в случае, если запрещается видеть громоздкие предметы. Гипнотическая инструкция, по-видимому, блокирует значения слов (или, в терминах теории высшей нервной деятельности, вторую сигнальную систему), посредством которых происходит осознание видимых объектов, как бы «вырезая» в сознании определенные семантические области. В пользу такой гипотезы говорят результаты ассоциативного эксперимента, когда испытуемые забывали слова, относящиеся к запрещенной области, при стимулах, провоцирующих их актуализацию. Например, на стимул «вечеринка», обычно вызывающий в качестве ассоциации среди прочих слово «сигареты», испытуемые не называли это слово и его семантическое окружение. Аналогично в эксперименте с запрещением «видеть» лыжи испытуемые не актуализировали в ассоциативном эксперименте на стимул «отдых в зимнем лесу» лексику, относящуюся к лыжной прогулке, катанию с гор и т. п.

Приведенные эксперименты иллюстрируют представление о сознании как удвоенном отражении, вторичном отражении с помощью знаковых средств. Восприятие и осознание при восприятии — не тождественные психологические процессы. В обычном сознании это различие зафиксировано в глаголах *смотреть* и *видеть* [см.: 12]. Понятие «видеть», очевидно, предусмат-

ривает определенную степень осознания, представленности тех или иных качеств, признаков объекта в их значениях. При этом структуры значения, опосредующие восприятие, непосредственно вплетены в ткань образа; субъект видит не схему образа, воспринимает не значения, а означенный образ. Но сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности. Аналитическую функцию языкового сознания подчеркивали еще Локк [см.: 145] и Кондильяк [см.: 110]. «Без знаков какого-либо вида, — пишет Кондильяк, — невозможно было бы нам разделять наши мысли так, чтобы нам самим давать себе отчет в том, о чем мы мыслим, дабы раздельно оное видеть» [110, с. 84].

Лексика языка несет в себе в форме семантических компонентов идеальные эталоны, мерки, которые выделяют, вычленяют в отражаемой действительности те или иные аспекты. Семантические компоненты лексики — единицы более дробные, чем значения, образующие его структуру, — являются носителями этих эталонов, и соответствие им (полное или неполное) признаков отражаемого фрагмента действительности позволяет выразить этот фрагмент в слове (или другом нормированном эталоне). Языковое сознание при этом осуществляется не только аналитическую, но и синтетическую функцию. Абстракция признаков и группировка их в новые структуры позволяют строить некие идеальные модели действительности, выраженные в значении слова, а оперирование этими идеальными значениями по законам грамматики и синтаксиса, имманентно содержащих правила человеческого мышления (логику не только научного мышления, но и логику обыденного сознания), позволяет дедуктивно получать новое знание. «Способность высказывать суждения об увиденном и услышанном — это способность отделять, выделять и вновь связывать в уже расчлененном высшем единстве предмет и его свойства, отдельные объекты и отношения между ними, действие, его результат и т. д. Эта способность составляет характерную черту сознания человека как высшей формы отражения. Осознавать действительность — значит расчленять ее на элементы и устанавливать между ними определенные связи и отношения: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности и т. д. и т. п. И чем больше взаимосвязанных элементов в объекте или ситуации может быть вычленено и вновь связано, тем выше уровень осознания действительности» [273, с. 23].

Развитие информатики и появление таких современных средств переработки информации, как, например, персональные ЭВМ, использующие искусственные языки программирования, расширили диапазон языкового сознания, в частности значительно увеличили аналитико-синтетические возможности человеческого мышления и основываются на том же принципе

опосредующей функции знака, что и «природное» человеческое сознание, вооруженное естественным языком. «В самом деле, машина имеет дело с очень простым материалом — кодами, кодовыми знаками. Кодовые знаки в машине, на глиняных табличках или на бумаге, — замечает А. Кэй, — практически равносильны с точки зрения их способности представлять различные реальные и идеальные объекты» [121, с. 47]. Подчеркивая, что персональная ЭВМ является техническим орудием, средством интеллектуальной деятельности, Г. Л. Смолян и К. Б. Шошников вслед за Г. П. Щедровицким [см.: 293] используют аналогию ЭВМ с верстаком, на котором осуществляются демонтаж и сборка интеллектуальных конструкций [см.: 228]. «Объект разбирается на части только для того, чтобы выяснить, как снова соединить их в одно целое», — приводят они в подтверждение своих рассуждений мысль создателя тензорной теории сложных систем Г. Крона [115, с. 28]

1.2. Значение как превращенная форма деятельности

Поскольку в значении фиксируются свойства объекта, существенные с точки зрения общественной практики, его можно рассматривать как превращенную форму деятельности [см.: 128; 180], где в качестве признаков значения содержатся виртуальные свойства объекта, которые могут быть раскрыты в той или иной общественно значимой деятельности субъекта или общества как совокупного субъекта. Предметный мир, окружающая действительность при этом понимаются не как кантовская «вещь в себе», в которой законсервированы существующие безотносительно к общественной человеческой практике признаки и качества, а как «очеловеченный мир», как культурно-историческое бытие человека.

Как отмечает К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», «главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта...* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно*» [1, т. 3, с 1]. Развивая эту мысль в работе «Немецкая идеология», К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Он (Фейербах. — В. П.) не замечает, что окружающий его чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это — исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй» [1, т. 3, с. 42].

Восприятие и осознание человеком мира оказывается, таким образом, производным от культурно-исторического бытия человека. Новые формы деятельности субъекта порождают и новые формы осознания действительности, новые «фигуры сознания», а следовательно, и новые формы его «образующей» — значения. Значение в своем содержательном, семантическом наполнении является не идеальным «инобытием» объекта, а превращенной формой деятельности субъекта, познающего и преобразующего мир.

Деятельностный подход К. Маркса и Ф. Энгельса применительно к проблеме значения получает дальнейшее развитие в работах советских философов — Э. В. Ильинкова [96], А. М. Коршунова [113], М. К. Мамардашили [156], И. С. Нарского [174], В. С. Швырева [67], *психологов* — и в первую очередь в работах Л. С. Выготского [52], А. Н. Леонтьева [140], С. Л. Рубинштейна [219], А. Р. Лурии [153], П. Я. Гальперина [59], В. В. Даудова [72], А. А. Леонтьева [134], О. К. Тихомирова [251], а также В. В. Столина [242], В. Ф. Петренко [185], Б. А. Ермолова [82], Е. Ю. Артемьевой [11], А. Г. Шмелева [286], *психолингвистов* — А. А. Брудного [36], А. А. Залевской [88], И. А. Зимней [91], Е. Ф. Тарасова, Ю. А. Сорокина, А. М. Шахноровича [233], Т. Н. Ушаковой [256].

Деятельность в советской психологической науке имеет широкую трактовку как динамическая система взаимосвязи субъекта с миром и включает такие формы, как предметно-практическая деятельность по производству материального продукта; теоретико-мыслительная деятельность, оперирующая идеальными конструкциями, моделирующими мир; эстетическая деятельность, заключающаяся в создании произведений искусства как носителей идеальной художественной реальности («возможных миров» в терминах Я. Хинтишки [см.: 271]); идеологическая, мировоззренческая деятельность, связанная с рефлексией, выделением ценностных ориентиров человеческого бытия и т. д. Значения как превращенные формы деятельности несут в своих семантических компонентах связи и отношения, существующие и раскрываемые в этих формах деятельности, и включают «в снятом виде» их системное содержание и специфику.

Трактовка значения как превращенной формы деятельности помогает понять содержание и генезис значений, несводимых к остативным определениям и не имеющих явной предметной отнесенности. Остановимся подробнее на этом вопросе.

В рамках позитивистски ориентированной логической семантики (Г. Фреге, Р. Карнап, У. Куайн, Б. Рассел, А. Тарский, А. Черч) представление о структуре знака опирается на идеи Огдена и Ричардса, предложивших концепцию семантического треугольника (рис. 1).

Семиотический треугольник выражает отношения знака, его содержания (значения) и его предметной отнесенности (дено-тата, денотативного значения). Множественность терминов в